

А. А. Алексеенко,
старший преподаватель
кафедры белорусского и русского языков БГМУ
(Минск, Беларусь)

КОММУНИКАТИВНО ЗНАЧИМОЕ МОЛЧАНИЕ В СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Статья посвящена анализу явления молчания в коммуникативном аспекте. Автором исследования предлагается обзор различных дефиниций данного явления, выделяются основные характеристики силенциального акта на фоне сопоставления с актом говорения. В статье разграничиваются коммуникативно значимое и незначимое молчание, выявляются функции молчания в контексте диалогического взаимодействия персонажей художественного произведения.

Для современной лингвистики, как и для всей науки в целом, характерно обращение к антропоцентрической парадигме, считающей главной задачей всестороннее изучение человека в языке. Значительное количество исследований в настоящее время посвящается проблемам речевых актов, повседневного речевого общения, функционированию языковых единиц в коммуникативном процессе и т. п. Обращаясь к изучению тех или иных аспектов коммуникации, современное языкознание рассматривает в числе коммуникативно значимых и явление молчания.

Существует целый ряд определений молчания, акцентирующих внимание на различных аспектах данного феномена. Так, в работах В. В. Богданова [3] и Г. Г. Почепцова [6] молчание рассматривается в качестве нулевого речевого акта. С. В. Крестинский указывает на то, что силенциальный речевой акт – это «сложная коммуникативная единица, которая, включая признаки знаковости и речеактовые характеристики, способна выражать самые разные психологические состояния» [5, с. 95]. По мнению Н. Д. Арутюновой, важнейшим свойством фено-

мена молчания является отрицательный характер семантики, выявляемый «через сопоставление с экстенционалом отрицательной формы глагола *говорить*» [1, с. 106]. Базовое же определение, предложенное толковым словарем Д. Н. Ушакова, трактует *молчание* как «действие по глаголу молчать; состояние молчащего человека», а глагол *молчать*, в свою очередь, определяет как «ничего не говорить, не произносить никаких звуков голосом, безмолвствовать» [7, с. 457]. Таким образом, по отношению к говорению явление молчания носит вторичный характер; семантика и прагматика молчания может анализироваться только в конкретном контексте с учетом всех условий, сложившихся вокруг определенного речевого акта.

Одной из основных проблем, возникающих при изучении молчания, является дифференциация коммуникативно значимого и незначимого молчания. Последнее не несет никакой функциональной, смысловой нагрузки и может быть определено как «доречевое». В случае же включения в акт коммуникации молчание выступает как реакция на слова собеседника и приобретает способность передавать некоторую информацию. «Наступление молчания в конкретном акте общения часто свидетельствует не о простом неговорении, а о переходе замолчавшего к другому семиотическому коду» [4, с. 74]. Таким образом, молчание становится коммуникативно значимым лишь в контексте сопровождения звучащей речи.

Функции молчания как коммуникативно значимой единицы крайне разнообразны. По мнению В. Н. Бабаяна, рассматривая молчание как коммуникативную стратегию в определенной ситуации диалогического взаимодействия, можно выделить следующие группы намерений:

- 1) молчание как согласие;
- 2) молчание как незнание или избегание ответа;
- 3) молчание как выражение негативных эмоций или аффективных состояний;
- 4) молчание как потеря интереса к ситуации общения, к собеседнику;
- 5) молчание как вопрос (изумление, недоумение);
- 6) молчание как стратегия защиты (намерение невербализации своего мнения, сдерживание коммуникативного действия);
- 7) молчание как несогласие (нерешительное или вежливое);
- 8) молчание как протест;
- 9) молчание как невмешательство [2].

Проиллюстрируем данные группы намерений примерами из произведений А. П. Чехова.

Так, в юмореске «Темпераменты», иронизируя по поводу мягкого и покладистого характера меланхоликов, А. П. Чехов пишет: *«Тебе, если она у него есть, величает прекраснейшей и мудрейшей особой; наставления ее выслушивает молча, склонив голову набок»*. В данном контексте не только силенциальный акт, но и сопутствующий ему жест *склонить голову набок* указывают на готовность слушать, согласие с высказыванием собеседника, принятие его точки зрения. Схожим образом жест *кивать головой*, сопровождающий молчание героя в рассказе «Актерская гибель», выражает его одобрительное отношение к услышанному: *«Комик говорил, а Щипцов молчал, слушал и одобрительно кивал головой»*.

В некоторых случаях коммуниканты прибегают к молчанию, если не могут ответить на реплику собеседника, избегают ответа или несведущи в обсуждаемых вопросах: *Почему с новым владельцем живут в мире, а с инженером не ладили? И, не зная, что ответить себе на эти вопросы, все молчат, и только Володька что-то бормочет* («Новая дача»); *Она обернулась к Пименову и остановилась, ожидая от него ответа; он тоже остановился и медленно и молча пожевал плечами* («Бабье царство»); *Младшая сестра, Женя, пока говорили о земстве, молчала. Она не принимала участия в серьезных разговорах* («Дом с мезонином»).

Довольно часто молчание отражает психоэмоциональное состояние собеседников, испытывающих настолько сильные чувства (преимущественно негативные), что процесс порождения речи становится невозможным: *И Саша, и Мотька, и все девочки, сколько их было, забились на печи в угол, за спиной Николая, и оттуда слушали все это молча, со страхом, и слышно было, как стучали их маленькие сердца* («Мужики»); *Николай Иванович засмеялся и минуту глядел на крыжовник, молча, со слезами, — он не мог говорить от волнения* («Крыжовник»); *Она взглянула на него и побледнела, потом еще раз взглянула с ужасом, не веря глазам, и крепко сжала в руках вместе веер и лорнетку, очевидно, борясь с собой, чтобы не упасть в обморок. Оба молчали* («Дама с собачкой»). Как правило, в таких случаях на интенсивность эмоционального состояния персонажей указывает не только силенциальный акт, но и различные физиологические проявления: стук сердца, слезы, бледность, сжатые руки и т. п.

В отдельных контекстах молчанием маркируется утрата интереса к разговору или собеседнику. Не испытывая интереса к общению, человек лишается мотивов, побуждающих его к продуцированию высказывания. *Я помогал ему одеваться, а он неохотно подчинялся мне, молча и не замечая моего присутствия* («Рассказ неизвестного человека»); *Когда я*

и Ариадна удилы пескарей, Лубков лежал тут же на песке и подшучивал надо мной или учил меня, как жить ... И когда ему надоело наше молчание и то внимание, с каким мы глядели на поплавки, он уходил в дом («Ариадна»).

Помимо отражения испытываемых персонажами негативных эмоций, молчание может также передавать их недоумение, удивление, растерянность. Так, в рассказе «Драма на охоте» не узнавшему графа слуге потребовалось некоторое время, чтобы осознать происходящее и преодолеть молчание: *«Минуту он глядел на нас молча, выпучив глаза, потом же, узнав, вероятно, графа, ахнул и опрометью побежал в домик».* Сопровождающее молчание мимическое движение *выпучить глаза* подчеркивает недоумение чеховского героя, его непонимание происходящего. Схожая ситуация разворачивается и в рассказе «Бабье царство»: *«Она, прощаясь, сунула ему в руку триста рублей; он как бы изумился и минуту молча смотрел на нее оловянными глазами, но потом как бы понял».* Показное изумление статского советника Крылина, получившего взятку, находит свое отражение в его поведении: силенциальный акт дополняет остановившийся, непонимающий взгляд *оловянных глаз*.

Нередко молчание используется говорящим как защитная реакция на слова или поведение собеседника. Так, в рассказе «Июньч» главный герой не может найти взаимопонимания с обществом губернского города С.: *«И Старцев избегал разговоров, а только закусывал и играл в винт, и когда заставал в каком-нибудь доме семейный праздник и его приглашали откусать, то он садился и ел молча, глядя в тарелку; и всё, что в это время говорили, было неинтересно, несправедливо, глупо, он чувствовал раздражение, волновался, но молчал».* Ограниченные, ничем не занимающиеся и ничем не интересующиеся люди не понимают молодого врача, не разделяют его взглядов. Вынужденный замкнуться в самом себе, разочаровавшийся Июньч со временем превращается в типичного представителя этого самого общества; молчание, неговорение перерастает во внутреннюю пустоту и духовное обнищание героя.

В отдельных случаях молчание обозначает несогласие с высказанным, которое не выражается вербально из-за следования правилам хорошего тона или просто из-за робости, неуверенности. Например, в рассказе «В усадьбе» судебный следователь Мейер не возражает Ращевичу, т. к. находится в его доме в качестве гостя, хотя и не разделяет взглядов хозяина на сословный строй: *«Мейер, всё время молчаливый*

и сидевший неподвижно, вдруг поднялся с дивана и посмотрел на часы». Приведем еще один пример из рассказа «Случай из практики»: «Он хотел сказать ей, что у него в Москве много работы, что дома его ждет семья; ему было тяжело провести в чужом доме без надобности весь вечер и всю ночь, но он поглядел на ее лицо, вздохнул и стал молча снимать перчатки». Доктор не решается отказать богатой владелице фабрики, беспокоящейся за свою дочь, и остается ночевать в их доме. Хотя Королев не облекает свое несогласие в слова, тем не менее его вздох и молчание выражают отношение к сложившейся ситуации красноречивее слов.

И, наконец, рассмотрим использование молчания как сигнала о занятии позиции невмешательства в конфликтной ситуации, противостоянии разных точек зрения. Так, в рассказе «Новая дача» кузнец Родион пытается успокоить барыню, заявив, что крестьяне не будут возражать против строительства школы и дорог, поскольку привыкли молчать и не выражать своего мнения относительно нововведений: *«Прочие народ смиренный, молчат... Иной, знаешь, рад бы слово сказать по совести, вступиться, значит, да не может. И душа есть, и совесть есть, да языка в нем нет»*. В дальнейшем слова кузнеца получают подтверждение: народ настолько привык равнодушно принимать окружающее и молча взирать на происходящее, что ни у одного человека из толпы не возникает желания разнять дерущихся пьяных отца и сына (*И так стояли и всё стучали друг друга по головам, и это было похоже не на драку, а скорее на какую-то игру. А за воротами толпились мужики и бабы и молча смотрели во двор, и лица у всех были серьезные*).

Таким образом, явление молчание играет особую роль в процессе коммуникации. С одной стороны, оно противопоставляется говорению и по отношению к нему носит вторичный характер. С другой стороны, семантика и прагматика силенциального акта складываются под влиянием тех же самых факторов, что и семантика и прагматика речевых высказываний. Важнейшим свойством коммуникативно значимого молчания является его способность передавать собеседнику определенную информацию. Адекватная интерпретация семантики и оценка функционального потенциала молчания возможна только в условиях конкретного речевого акта.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Молчание: контексты употребления / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 106-117.

2. Бабаян, Н. В. Молчащий наблюдатель и феномен молчания как коммуникативная стратегия в диалоге / Н. В. Бабаян // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2009. – Серия 2: Филология и искусствоведение. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/molchaschiy-nablyudatel-i-fenomen-molchaniya-kak-kommunikativnaya-strategiya-v-dialoge>. – Дата доступа: 01.04.2023.
3. Богданов, В. В. Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации / В. В. Богданов // Языковое общение и его единицы: Межвуз. сб. науч. тр. / Калининск. гос. ун-т; Редкол. И. П. Сусов (отв. ред.) и др. – Калинин, 1986. – С. 12-18.
4. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
5. Крестинский, С. В. Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге / С. В. Крестинский // Личностные аспекты языкового общения: Межвуз. сб. науч. тр. – Калинин: КГУ, 1989. – С. 92-98.
6. Почепцов, Г. Г. Молчание как речевой акт / Г. Г. Почепцов // Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тереза. – М.: МГПИИЯ им. М. Тереза, 1985. – Вып. 252. – С. 43-52.
7. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: Альта-Принт, 2007. – 1239 с.